

Научная статья / Research Article

УДК 903.53(574)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-10](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-10)

EDN: LKVTSS

ИССЛЕДОВАНИЕ КУРГАНА С «УСАМИ» ТЕКЕЙ, ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КАЗАХСТАН

**Арман Зияденович Бейсенов^{1*}, Ислам Кизамединович Ахияров²,
Игорь Алексеевич Кукушкин³**

¹Институт археологии имени А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан;
azbeisenov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2524-264X>

²Институт археологии имени А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан;
islam.akhiyarov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0893-5559>

³Сарыаркинский археологический институт, Карагандинский университет
имени Е.А. Букетова, Караганды, Казахстан;
sai@ksu.kz, <https://orcid.org/0000-0002-4798-8496>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. В статье впервые публикуются материалы изучения комплекса кургана с «усами», изученного в урочище Текей, в Сарыбельском районе Карагандинской области Республики Казахстан. Памятник состоит из двух курганов, расположенных по линии запад-восток, и двух каменных гряд, ориентированных на восток. В западном кургане на уровне древнего горизонта найдено захоронение ребенка, под восточной насыпью находились зубы и кости ног лошади. Немногочисленные фрагменты керамики найдены в насыпи западного сооружения. По костным образцам из шейного позвонка ребенка и трубчатой кости лошади в лабораториях Российской Федерации и Великобритании были получены две радиоуглеродные даты. На их основании кости лошади под восточным сооружением датируются гунно-сарматским периодом, тогда как детское погребение в западном кургане относится к позднеасакскому времени. Фрагменты керамики могут быть отнесены к начальному этапу раннего железного века. Судя по особенностям насыпи и керамики, западный курган был сложен в начале раннего железного века. Детское погребение с северо-восточной ориентировкой относится к коргантасскому типу и впущено в раннюю насыпь. Полученные материалы, в том числе и новые радиоуглеродные даты, дополняют имеющиеся данные по курганам с «усами» Центрального Казахстана.

Ключевые слова: курган с «усами», Центральный Казахстан, тасмолинская культура, коргантасский тип, гуннский период, радиоуглеродная дата

Благодарности: статья подготовлена в рамках ФНИ «BR20280993 «Казахстан в древности и средневековье: систематизация и анализ археологических источников».

Для цитирования: Бейсенов А.З., Ахияров И.К., Кукушкин И.А. Исследование кургана с «усами» Текей, Центральный Казахстан // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, №1. С. 189–205. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-10](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-10)

THE STUDY OF THE KURGAN WITH “MUSTACHE” TEKEY, CENTRAL KAZAKHSTAN

Arman Z. Beisenov^{1*}, Islam K. Akhiyarov², Igor A. Kukushkin³

¹A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan;
azbeisenov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2524-264X>

²A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan;
islam.akhiyarov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0893-5559>

³Saryarka Archaeological Institute, Karaganda University
named after E.A. Buketov, Karaganda, Kazakhstan;
sai@ksu.kz, <https://orcid.org/0000-0002-4798-8496>

*Corresponding Author

Abstract. The article publishes materials from the study of one mound complex with a “moustache,” studied in the Tekey Valley, in the Sarybel district of the Karaganda region. The site consists of two mounds located along the west-east line, and two stone ridges oriented to the east. A child’s burial was found in the western mound at the level of the ancient horizon; under the eastern mound there were teeth and leg bones of a horse. A few fragments of ceramics were found in the mound of the western structure. Two radiocarbon dates were obtained on bone samples from a child’s cervical vertebra and a horse’s tubular bone in laboratories in the Russian Federation and Great Britain. On their basis, the horse bones under the eastern mound were attributed to the Hunnic period, while the child burial in the western mound was attributed to the late Saka period. The ceramic fragments can be dated to the initial stage of the Early Iron Age. Based on the features of the mound and the ceramics, the western mound was built at the beginning of the Early Iron Age. The child’s burial with a north-eastern orientation belongs to the Korgantas type and was inserted into an earlier mound. The obtained materials, including new radiocarbon dates, supplement the existing data on kurgans with “moustache” in Central Kazakhstan.

Keywords: kurgan with “moustache”, Central Kazakhstan, Tasmola culture, Korgantas period, Hunnic period, radiocarbon date

Acknowledgments: the article was prepared within the framework of the FNI “BR20280993 “Kazakhstan in Antiquity and the Middle Ages: Systematization and Analysis of Archaeological Sources”.

For citation: Beisenov A.Z., Akhiyarov I.K., Kukushkin I.A. The Study of the Kurgan With “Moustache” Tekey, Central Kazakhstan. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(1):189–205. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-10](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-10)

Введение

В предлагаемой статье вводятся в научный оборот данные кургана с «усами» Текей, исследованного в Центральном Казахстане. В раскопках памятника приняли участие научные сотрудники Карагандинского университета им. Е.А. Букетова (Караганда, Казахстан), Института археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан), а также студенты, рабочие из числа местных жителей. Топографическую съемку, фото- и графиче-

ческую фиксацию памятника выполнил И.А. Кукушкин, осуществлявший руководство археологическими раскопками. Иллюстрации к статье подготовлены И.К. Ахияровым.

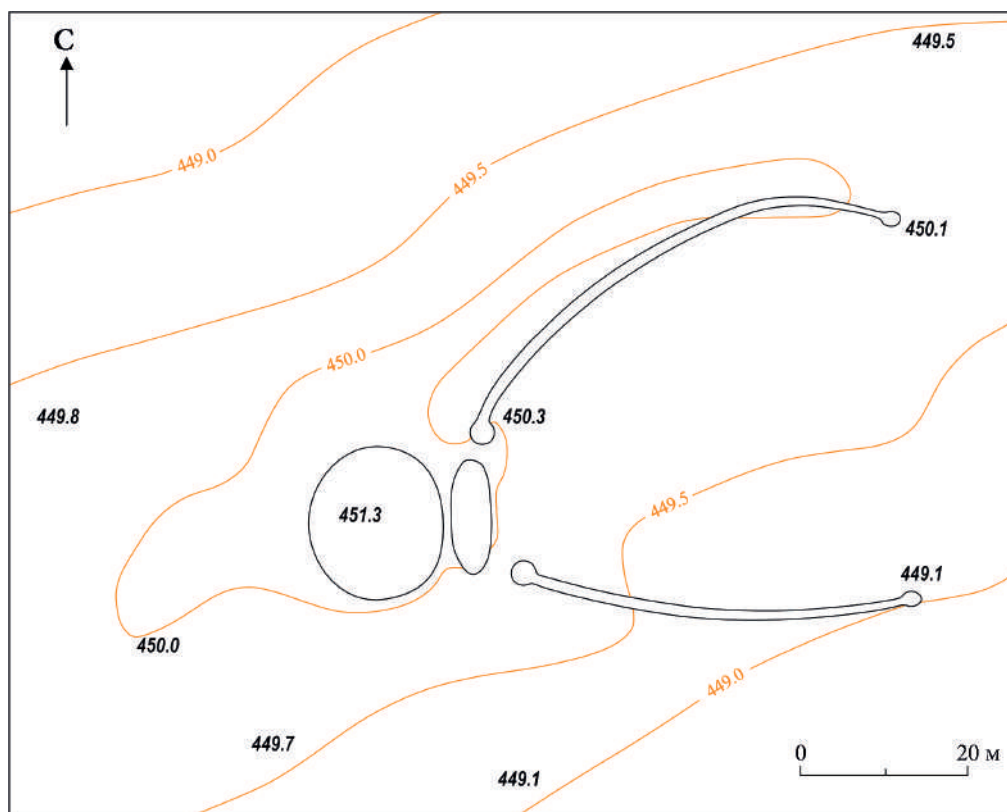

Рис. 1. Топографический план кургана с «усами» Текей
Fig. 1. The topographic plane of the kurgan with the "mustache" Tekei

Курган с «усами» Текей был открыт в 2009 г. И.А. Кукушкиным. Памятник находится в Сарыбельском районе Карагандинской области Республики Казахстан, в 2,6 км к северо-северо-западу от с. Кутумсык, 6,7 км к северо-западу от с. Караколь. Комплекс расположен на уплощенной вершине невысокой гряды, вытянутой с запада на восток. К востоку от комплекса находится небольшая группа из трех курганов. Эти курганы, расположенные компактно, недалеко друг от друга, имеют округлые земляные насыпи диаметром до 10–12 м и высотой от 0,5 до 1,2 м. Все три относятся к эпохе бронзы.

Материалы и методы

Топографическая съемка (рис. 1) кургана с «усами» Текей была проведена лазерным тахеометром Nikon-320, в ходе ее были осуществлены обмеры всего комплекса с привязкой к рельефу местности, что позволило внести определенные коррективы в оптимизацию планов раскопочных работ.

Рассматриваемый комплекс состоит из двух частей: западного, или основного, кургана (курган №1) и примыкающего к нему с востока малого кургана (курган №1а), от которого в восточном направлении отходят две дугообразные каменные выкладки («усы»). Начало и окончание «усов» обозначено каменными скоплениями округлой в плане формы диаметром 2–3 м. Длина северной выкладки составила 60 м, южной — 50 м.

Как показал осмотр всех участков комплекса, на обоих курганных насыпях и на каменных грядах, особенно на их начальных и концевых сооружениях, имеются довольно явные следы выборки камней. Предположительно камень на строительные нужды для окрестных кошар, для фундамента жилых сооружений брали еще в 1960–1970-е гг. Верхний слой насыпей начальных и концевых сооружений «усов» почти отсутствует, на всем протяжении самих гряд видны места выборки камней. Камень брали и с поверхности насыпи обоих курганов. Восточный курган (курган №1а) к началу раскопок имел овальную форму, вытянутую по линии С–Ю, не характерную для основной массы комплексов кургана с «усами» Центрального Казахстана. Согласно рассказам местных жителей, в 1970-е гг. группа людей пыталась раскопать курган, но сведений о каких-либо находках нет.

На комплексе был разбит раскоп с охватом двух основных сооружений комплекса — курганов №1 и 1а. Бровка проходит через центральную часть основного кургана и ориентирована по линии С–Ю (рис. 2; рис. 3). Ввиду плохой сохранности гряды-«усы» не раскапывались.

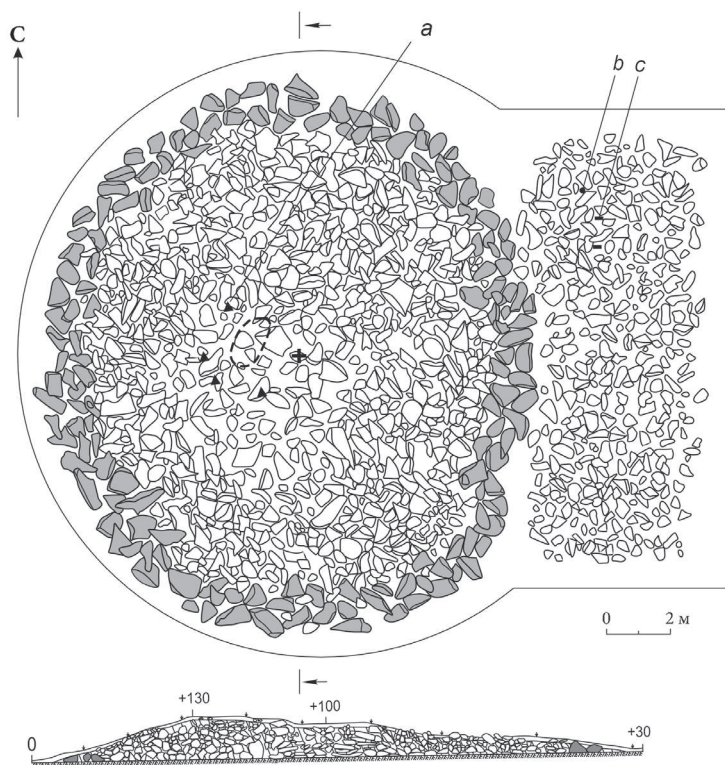

Рис. 2. План и профиль насыпей: а — фрагменты керамики; в, с — зубы, кости лошади
Fig. 2. The plan and profile of the embankments: a — fragments of ceramics; b, c — teeth, bones of a horse

Рис. 3. Фото насыпей: 1 — вид кургана с северной стороны после снятия дернового слоя;

2 — восточный профиль бровки

Fig. 3. Photos of the mounds: 1 — view of the mound from the north side, after removing the turf layer;

2 — eastern profile of the edge

Курган №1. Округлая насыпь сложена из камня и мелкой щебенки на площадке, имеющей заметный наклон в южную сторону. Диаметр насыпи составляет с севера на юг 18 м, с запада на восток — 16 м, максимальная высота в момент раскопок — 1,3 м.

В центральном секторе насыпи, с заметным смещением к юго-западу, отмечена грабительская яма диаметром около 4 м, глубиной 0,25 м. Грабительская воронка, сужаясь, проходит через всю насыпь кургана, не задевая погребение, и слегка углубляется в материковый слой, на глубину не более 0,5–0,1 м. Плотность слоев заполнения граби-

тельского вкопа говорит не в пользу упомянутого ограбления кургана в недавнее время, если, конечно, не имело место преднамеренное и тщательное заполнение ямы со стороны местных жителей.

В основании кургана зафиксированы крупные камни, обрамляющие полы насыпи. Периферийная часть насыпи задернована, тогда как центральный участок, подвергшийся грабительскому перекопу, свободен от дерна и зарос березой, кустами. В целом параметры, материал и наличие крепиды насыпи сближают данный объект с курганами тасмолинской культуры.

При разборке насыпи установлено, что она сплошь сложена из крупных и средних обломков плитняка, мелкого щебня. За исключением незначительного объема черной супеси, повсюду перемешанного с мелким щебнем, как такового земляного слоя в составе насыпи нет. За условный материк принята твердая, каменистая супесь светло-коричневого, местами красноватого цвета.

Характерно, что если в северной части насыпи супесь была исключительно черного цвета, то в южном секторе под насыпью отмечено высокое содержание золы, придающей супеси светло-серый оттенок. В отдельных участках, к югу, юго-востоку от центра насыпи, скопления золы фиксировались более четко и в более чистом виде, мощностью до 0,05–0,07 м. Полные контуры золистого пятна зафиксировать оказалось сложно из-за грабительского перекопа, дошедшего до основания насыпи.

В центре выявлены довольно крупные плиты, уложенные друг на друга, размерами от 0,8 до 1,4 м длиной и от 0,4 м до 1 м шириной. Толщина плит достигала 10–15 см. Во время разборки плит центрального сектора встречены разрозненные кости, по-видимому, мелкого рогатого скота, в том числе один крупный фрагмент лопатки и три мелких трудноопределимых обломка, а также четыре фрагмента керамики от трех лепных сосудов (рис. 4). Кости найдены на глубине 0,45 м от верха насыпи, фрагменты керамики на 0,1–0,15 м ниже. Керамика некачественная, средняя толщина стенок сосудов варьирует от 7 до 10 мм.

После снятия плит в центральной части кургана, со смещением в северо-западный сектор, на древнем горизонте зафиксировано погребение ребенка. Костяк частично потревожен норными животными. Умерший был уложен на спине в вытянутом положении, головой на северо-восток. Череп расколот и сильно деформирован уложенной сверху плитой. С левой стороны в области тазовых костей обнаружен железный крюк. Других находок не зафиксировано.

Курган №1а (курган-спутник) сооружен из средних и мелких обломков плит. Насыпь имеет овальную в плане форму. Длина ее с севера на юг составляет 13,5 м, с запада на восток — 6 м. Высота — 0,3 м. После удаления насыпи в северной части на древней поверхности зафиксированы в анатомическом порядке кости передней и задней ног молодой лошади, а также зубы от несохранившегося черепа (рис. 5). Судя по расположению расчищенных костей, ориентировка лошади головой предполагала северное направление.

Немногочисленные находки представлены фрагментами от трех сосудов и железным крючком. Керамика найдена в центральной части насыпи, на глубине 0,55–0,6 м от ее верха.

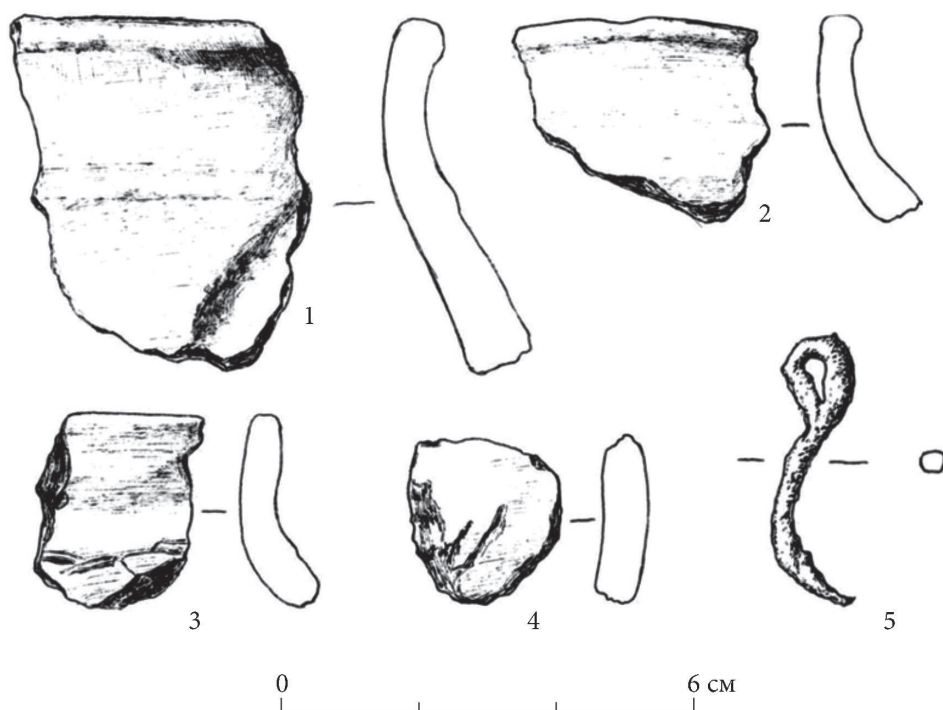

Рис. 4. Фрагменты керамики и железный крюк
Fig. 4. Ceramic fragments and an iron hook

Сосуд 1. Представлен одним фрагментом венчика. Сосуд изготовлен из плохо отмученной глины, цвет светло-серый. Диаметр устья 11 см. Толщина стенок 7 мм. Венчик уплощен, со скругленными краями, образует снаружи слабовыраженный карниз. По основанию шейки прослеживается валикообразное утолщение. Тулово округлое (рис. 4.-1).

Сосуд 2. Представлен одним фрагментом венчика. По своим особенностям фрагмент явно близок к вышеописанному, за исключением валика, отсутствующего в данном случае (рис. 4.-2).

Сосуд 3. Представлен одним фрагментом венчика и еще одним фрагментом стенки (рис. 4.-3, 4). Сосуд изготовлен из плохо отмученной глины темно-серого цвета. Диаметр устья 8 см. Толщина стенок 5–6 мм. Край венчика уплощен. Тулово округлое, основание короткой прямой шейки орнаментировано наклонными насечками. Фрагмент стенки с резным орнаментом предположительно отнесен к этому сосуду.

Железный крючок (рис. 4.-5) изготовлен из округлого в сечении прута диаметром 3 мм, общая длина составляет 4 см. Изделие в верхней части имеет петельку для крепления, конец загнут, образуя крюк с заостренным окончанием. Функция предмета неясна. Хотя пряжки или ее фрагментов не найдено, вероятно, данный предмет следует условно определить как язычок от нее.

В ходе раскопок были отобраны для радиоуглеродного анализа две кости, по одной из скелета человека и костяка лошади. Две пробы для анализа были подготовлены И.К. Ахияровым в Институте археологии им. А.Х. Маргулана.

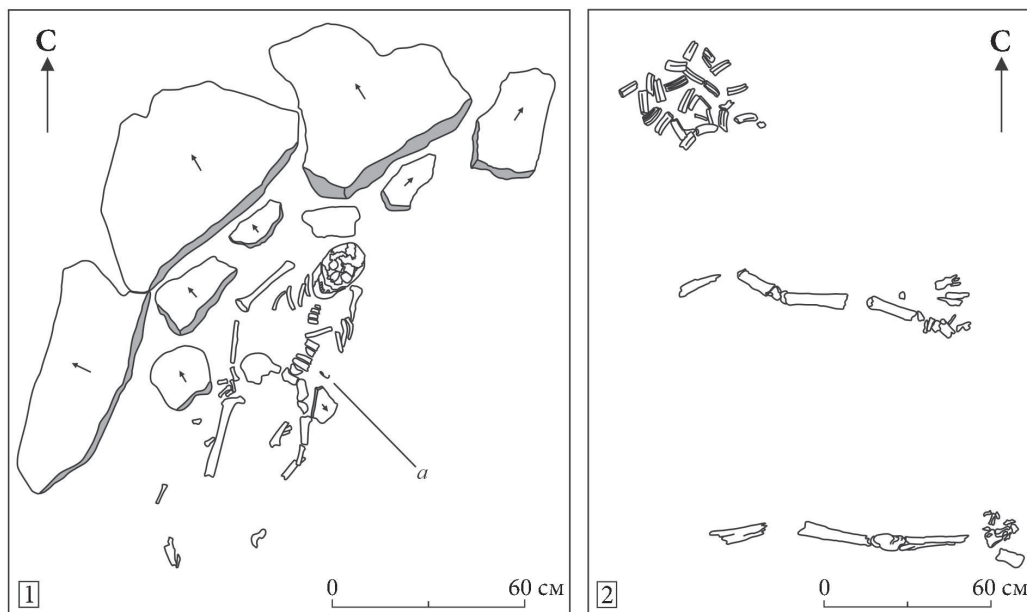

Рис. 5. План детского погребения (1) под западным курганом и костей лошади (2) под восточным курганом: а — железный крюк

Fig. 5. Plan of a child's burial (1) under the western mound and horse bones (2) under the eastern mound: a — iron hook

Образец 1 — курган №1 (основной курган), из шейного позвонка подростка, глубина залегания 1,21 м от верхней отметки центра насыпи, вес 3,9 г.

Образец 2 — курган №1а (курган-спутник), из трубчатой кости лошади, глубина залегания 0,26 м от верха насыпи, вес 85,1 г.

Радиоуглеродный анализ по двум образцам был выполнен в двух лабораториях. Образец 1 проанализирован в лаборатории ^{14}C Хронологии Королевского университета Белфаста, Северная Ирландия, Великобритания (АМС датирование). Образец 2 проанализирован в лаборатории радиоуглеродного анализа Санкт-Петербургского педагогического университета им. Герцена (СПб., РФ). В таблице приведены результаты выполненных анализов.

Обсуждение

Две полученные даты показывают разную хронологию в отношении детского захоронения под основным курганом и лошадиных костей под курганом-спутником. Кроме того, третью хронологическую позицию занимают, можно сказать, характер самой насыпи основного кургана и фрагменты керамики, найденные в ней.

Дата, полученная по образцу 2, из метаподии лошади под малым курганом, указывает на период конца IV — 1-й трети VI в. н.э. (AD 382–539), что соотносится с гуннским и позднегуннским периодами в хронологии древностей степной Евразии.

AMS ¹⁴C даты проанализированных образцов из кургана с «усами» Текей.
Лаборатория ¹⁴C Хронологии Королевского университета Белфаста, Северная Ирландия, Великобритания; лаборатория радиоуглеродных анализов Санкт-Петербургского педагогического университета, Санкт-Петербург, Россия

AMS ¹⁴C Dates of the analyzed samples from a mound with a mustache of Texia.
Laboratory of ¹⁴C CHRONOLOGY of the Royal University of Belfast, Northern Ireland, Great Britain; Laboratory of radiocarbon tests of St. Petersburg Pedagogical University, St. Petersburg, Russia

Шифр	Объект	¹⁴ C BP	Калиброванная дата (1 σ, 68.3)	Калиброванная дата (2 σ, 95.4)
UBA-28363	Образец 1 Комплекс кургана с «усами» Текей. Основной курган. Скелет ребенка	2255±35	Cal BC 388–355 (0.408) 289–232 (0.592)	Cal BC 397–346 (0.352) 321–206 (0.648)
SPb-928	Образец 2 Комплекс кургана с «усами» Текей. Курган-спутник. Кости лошади	1620±30	Cal AD 394–431 (39,8%) 452–530 (28%)	Cal AD 382–539 (95,4%)

Дата, полученная по образцу 1, из кости ребенка под насыпью основного кургана, показывает период IV–III до н.э. (BC 397–206). Детское захоронение, таким образом, относится к позднесакскому периоду. Северо-восточная ориентировка погребенного исключает возможность отнесения его к тасмолинской культуре, в пользу этого мнения говорит также и поздняя дата. Как уже указывалось (Бейсенов, 2018), в настоящее время верхняя дата курганов тасмолинской культуры соотносится с периодом V в. до н.э.

В свою очередь, северо-восточная ориентировка детского скелета вкупе с полученной датой позволяет отнести захоронение к коргантасскому типу (сводку по этим памятникам см.: Бейсенов, 2017; Beisenov, 2024).

Немногочисленные фрагменты керамики не могут быть отнесены к особенностям памятников коргантасского типа, для которых оставление в насыпи глиняных сосудов или их частей не является характерным элементом погребального обряда. То же самое можно сказать и по характеристике самой насыпи, сложенной из крупных обломков камня с мелким щебнем, с крепидой из крупных камней, с подсыпкой золы в нижнем слое. Вообще, такие крупные насыпи диаметром 16–18 м, высотой 1,3 м ни разу не встречены при раскопках памятников коргантасского типа (Beisenov, 2024). Напротив, такие сооружения вполне могут быть сопоставлены с памятниками тасмолы, как показывает некоторая практика в исследовании памятников Центрального Казахстана. В ходе недавней систематизации памятников раннего железного века Центрального Казахстана было учтено 47 погребений коргантасского типа (Beisenov, 2024), сумма

их данных дает уверенность в изложенных выше соображениях по поводу особенностей рассматриваемого кургана (основной насыпи), наличия керамики. Впускные захоронения в ряде случаев зафиксированы при раскопках коргантасских памятников.

То же можно сказать и в отношении фрагментов керамики. Неорнаментированные горшки и банки составляют подавляющее большинство в наборе глиняной посуды тасмолинской культуры Центрального Казахстана (Бейсенов, Шульга, Ломан, 2017). Долгое время подразумевалось полное отсутствие керамики в курганах тасмолинской культуры. Между тем новые исследования этого вопроса показывают неправомерность такого взгляда. В курганах этой культуры сосуды, как и фрагменты их, оставались в наземной части памятника, в центре и периферии насыпи (Бейсенов, Ломан, Шашенов, 2022). Аналогичную традицию можно видеть и на Алтае, в памятниках раннесакского времени (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 86; Марсадолов, 1999, с. 105; 2004; Тишкин, Горбунов, 2005, с. 120; Шульга, 1999, с. 246; 2015). В могилах алдыбельских курганов Тувы глиняная посуда отсутствует (Грач, 1980, с. 74), но в наземной части многих сооружений также находят ее фрагменты [Марсадолов, 2004, с. 39].

Насечки, разные прочерченные, резные линии и их отрезки, слабовыраженные валики являются архаичными и редкими видами орнамента для тасмолинских сосудов, что подчеркивает возможный ранний характер памятника.

Железный крючок, найденный в районе поясицы ребенка, условно определен в качестве язычка от пряжки. Как известно, в древности бытовали также разновидности поясных крючков, изделий более сложных, чем представленная находка, и распространившихся в среде степных культур ко 2-й половине I тыс. до н.э. (подробнее см.: Овсянников, 2023). Отметим, что нахождение таких изделий в районе пояса иногда обуславливает и ту ситуацию, когда их трактуют также в качестве колчанного крюка. Поясные крючки имели хождение вплоть до этнографической эпохи, например широко применялись у казахов. Рассмотрение всех вопросов, связанных с изучением казахских поясов (Сыдыгалиев, 2021; Жанатаев, 2023), не входит в задачи настоящего сообщения. Лишь заметим, что пояса у казахов имели оба типа застежек, то есть они застегивались и с помощью пряжки, и с использованием крючка (рис. 6). Форма как казахских, так и древних поясных крючков предполагает двуплановое расположение места их крепления в виде планки, щитка, Т-образного штифта и загнутой части, да и конец изделий бывает более изогнутым. Эти положения несколько увеличивают вероятность первого предположения относительно рассматриваемой находки.

Для археологов, интересующихся памятниками раннего железного века евразийской степной полосы, тема курганов с «усами» не является новой. К тому же в современную эпоху число публикаций об этой разновидности памятников значительно увеличилось. В последнее время открываются и изучаются новые памятники данной категории, среди многих актуальных вопросов авторы публикаций уделяют внимание типологии, предлагая свои классификации в отношении курганов с «усами», проблемам датировки и происхождения. Публикации исследователей приводились в предыдущих работах (сводку см.: Бейсенов, 2023), поэтому вряд ли есть необходимость в повторном изложении. Как показывают материалы публикаций, выходящих в наши дни, количество курганов с «усами» постоянно растет. Одним из важных аспектов, бесспорно, яв-

ляется открытие этих памятников в новых регионах, на территории которых они ранее были неизвестны. В частности, особо отметим Кулунду (Гришин, Марченко, 2020).

По казахстанским памятникам исследователями к настоящему времени получена серия новых радиоуглеродных дат из курганов с «усами» (см.: Джумабекова, Базарбаева, 2022). Материалы исследования кургана с «усами» Текей, включая впервые публикуемые две радиоуглеродные даты, пополняют такие данные. Центральный Казахстан является одним из основных районов распространения курганов с «усами», в том числе и такой их разновидности, когда комплекс состоит из двух насыпей: западной и восточной.

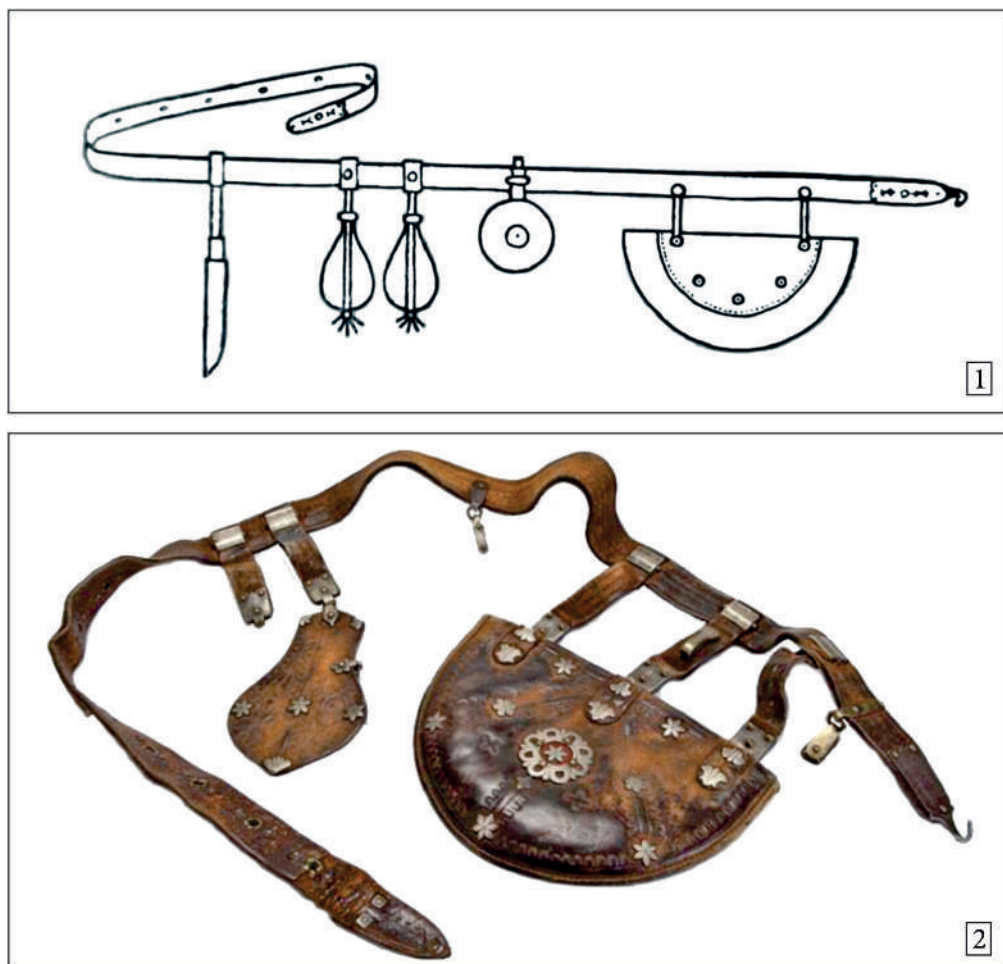

Рис. 6. Казахские мужские пояса: 1 — рисунок Ч.Ч. Валиханова, 1862 г., перо (по: Валиханов, 1985); 2 — фото пояса из коллекции МАЭ (по: Сыдыгалиев, 2021)

Fig. 6. Kazakh men's belts: 1 — drawing by Ch.Ch. Valikhanov, 1862, pen (according Valikhanov, 1985); 2 — photo of a belt from the MAE collection (according to Sydygaliev, 2021)

Опираясь на радиоуглеродные даты и археологические материалы, полученные из регионов распространения курганов с «усами», современные исследователи датируют их примерно в пределах III–VI вв. н.э. В настоящее время большинство исследователей склонны видеть в этих памятниках, открытых в ряде регионов Казахстана, в Южном Зауралье, присутствие некоего нового народа, прибывшего с востока (сводку см. выше). Исследование этих «загадочных» сооружений повсеместно продолжается.

В период с осени 2022 г. по осень 2024 г. под руководством А.З. Бейсенова проводились работы по новой локализации курганов с «усами» на территории ряда регионов Центрального Казахстана с охватом некоторых соседних территорий. В ходе этой работы были найдены новые сооружения, а также осмотрено большое количество ранее открытых объектов, данные которых содержатся в публикациях и отчетах. В отношении этой второй группы «новая локализация» представляла собой фактически вторичное открытие памятника: были проведены поиск и фиксация, корректировка всех координат, исправление имеющегося плана или создание нового и др. Здесь нет места для всестороннего описания нюансов, встреченных в ходе этой работы. Отметим пару важных моментов. Было осмотрено всего 414 объектов (Бейсенов и др., 2024). Работа имела форсированный характер, важным результатом явилась сама возможность новой фиксации памятников, вместе с тем ряд наблюдений требуют дальнейшего исследования. Из указанного числа памятников 41 курган найден в области Чингистауского хребта, что занимает восточную оконечность Казахского мелкосопочника, все остальные объекты имеют отношение к территории археологически очерченных регионов собственно Центрального Казахстана. В этом плане осмотренные курганы находятся на территории Карагандинской (296 объектов), Улытауской (53) областей, а также Баянаульского, Экибастузского районов (вместе 24 объекта) Павлодарской²¹. Ссылка на форсированность полевых исследований сделана неспроста: результаты не претендуют на полноту данных и множество объектов в регионах еще не найдены. По данным А.З. Бейсенова, только на территории Центрального Казахстана на ближайшие годы можно ожидать открытия около сотни новых курганов с «усами».

Постулаты о приходе во 2-й четверти I тысячелетия н.э. в степи Казахстана «нового населения», как и тезисы о надкультурном характере курганов с «усами», должны быть построены с учетом одного обстоятельства. Должны быть найдены и изучены погребальные памятники этого загадочного населения. Четырем сотням ритуальных курга-

²¹ Чингистау с окрестностями не входит в систему Алтайских гор и геоморфологически относится к обширной провинции Казахского мелкосопочника, территория которой охватывает также и весь Центральный Казахстан. При этом Чингистау занимает крайнюю восточную оконечность данной провинции (Нурманбетов, Акиянова, 2004, с. 29, 33). Этнографически у казахов в старину регион относился к обширной исторической области «Арка/Сарыарка». Вслед за М.К. Кадырбаевым в ряде работ А.З. Бейсенова применяется термин «Восточная Сарыарка», которая охватывает восточную часть территории Центрального Казахстана вкупе с Чингистауским регионом. В работе Г.А. Базарбаевой и Г.С. Джумабековой дано понимание «Восточной Сарыарки» как территории всего Центрального Казахстана, что неверно и, как кажется, является следствием невнимательности при написании текста. Но удручает отсылка авторов к М.К. Кадырбаеву и А.З. Бейсенову (Базарбаева, Джумабекова, 2021, с. 20). Чингистау является родиной Абая, духовного отца мыслящих казахов и в прошлом, и в настоящем. Большой Чингистау чрезвычайно мало исследован и представляет собой весьма привлекательный (см., в частности: Beisenov, 2024) для археологической науки регион (Прим. А.З. Бейсенова).

нов с «усами» должно в какой-то степени соответствовать значительное число погребений, на основе изучения которых мы бы получили такой же большой объем данных погребального обряда и материальной культуры нового народа, «гуннского» или какого-то еще. Таким же путем можно будет рассмотреть и вопрос о надкультурном характере этих памятников. А положение дел таково, что всем пространству, где находится указанное число осмотренных курганов с «усами», археологически подтвержденных свидетельств о пребывании здесь новой этнической массы мы не имеем. Погребений, как и редких кладов гуннской эпохи на этой территории можно, что называется, по пальцам считать. Можем, конечно, акцентировать надежду на будущие открития. Подобные вопросы должны быть в русле современных исследований вопросов о курганах с «усами».

Выводы

Суммируя вышесказанное, следует предположить, что основной курган (курган №1) Текея сооружен на раннем этапе тасмолинской культуры. Полученные данные не позволяют точно определить функцию сооружения. Могильной ямы, человеческих костей или других признаков раннего захоронения не выявлено. Такого типа и таких параметров обособленные ритуальные объекты не характерны для Центрального Казахстана на всем протяжении раннего железного века. Если насыпь имела ритуальный характер, то это обстоятельство непременно должно быть связано с самим типом памятника, т.е. западное сооружение должно быть представлено в качестве составного элемента комплекса кургана с «усами». В ином случае остается лишь предположить о таком возможном типе, как захоронение на уровне древнего горизонта, и допустить, что останки умершего были выброшены древними грабителями. Обилие золы под насыпью, не характерное для погребальных памятников тасмолы, усиливает первое предположение. Дальнейшее накопление данных по курганам с каменными грядами, возможно, прольет свет на эти вопросы.

Погребение IV–III до н.э. является впускным, что не составляет исключения ни для коргантаса, ни для позднесакского времени вообще. Отсутствие характерного для коргантаса головного жертвенника, вероятно, можно объяснить статусом погребенного. Могли играть роль также определенные жизненные ситуации, в ходе которых, например во время кочевки, детское погребение было впущено в насыпь ранней эпохи, для чего была использована хорошо видимая в то время воронка в центральной части наземного сооружения.

Кости лошади под курганом-спутником показали дату, укладывающуюся в рамки IV — 1-й трети VI в. н.э. Материалы нового памятника пополняют имеющиеся данные по курганам с «усами». В современную эпоху остается высокой актуальность дальнейшего получения углеродных дат из восточной насыпи (спутник) в этих комплексах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Базарбаева Г.С., Джумабекова Г.С. К изучению аппликаций в искусстве ранних кочевников казахских степей // Уфимский археологический вестник. 2021. №1. С. 18–32. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2021.21.1.002>

Бейсенов А.З. Коргантасские погребения в Центральном Казахстане // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии. Улан-Удэ : Бурятский госуниверситет, 2017. С. 103–108.

Бейсенов А.З. Тасмолинская культура Центрального Казахстана в исследованиях начала XXI века // Археология и давняя история Украины. 2018. №2. С. 386–396.

Бейсенов А.З. Поездка в Милыбулак, Центральный Казахстан: обследование курганов с «усами» и руин зимовок, чтение старинных кулпытасов // Уфимский археологический вестник. 2023. №1. С. 109–127. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2023.23.1.009>

Бейсенов А.З., Ломан В.Г., Шашенов Д.Т. Керамика из новых курганов тасмолинской культуры // Нижневолжский археологический вестник. 2022. Т. 21, №1. С. 6–20. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.1>

Бейсенов А.З., Шульга П.И., Ломан В.Г. Поселения сакской эпохи. Алматы : НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. 208 с.

Бейсенов А.З., Умиткалиев У.У., Утубаев Ж.Р., Ахияров И.К., Джуманазаров Н.Ш., Ильдериakov Н.Н., Шашенов Д.Т. Отчет по грантовой теме AP14872148 «Ранний железный век Сарыарки: создание современной концепции, систематизация базы данных, разработка хронологической колонки». Рукопись. 2024 // Архив НИЦИА «Бегазы-Тасмола».

Валиханов Ч.Ч. Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в 5 т. Т. 4. Алма-Ата : Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. С. 35–39.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М. : Наука, 1980. 256 с.

Гришин А.Е., Марченко Ж.В. Первые объекты типа «курган с усами» в Кулундинской степи // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVIII. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2020. С. 479–486. DOI: [10.17746/2658-6193.2020.26.874-882](https://doi.org/10.17746/2658-6193.2020.26.874-882)

Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. «Солнечные» курганы Ашутасты: историческая память в Степи (по результатам радиоуглеродного анализа) // Археология Казахстана. 2022. №3. С. 43–73.

Жанатаев Д.К. Наборные пояса казахов и якутов (саха) XIX–XX вв. в коллекциях МАЭ и РЭМ // Всероссийский форум молодых исследователей — 2023. Петрозаводск : МЦНП «Новая наука», 2023. С. 387–401.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 1. Культура населения в раннескифское время. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997. 232 с.

Марсадолов Л.С. Пазырыкский феномен и попытки его объяснения // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 104–108.

Марсадолов Л.С. Глиняные сосуды Горного Алтая VIII–III вв. до н.э. // Археология и этнография Алтая. Вып. 2. Горно-Алтайск : Институт алтаистики им. С.С. Суразакова, 2004. С. 37–51.

Нурманбетов Э.И., Акиянова Ф.Ж. Общая физико-географическая характеристика Сарыарки. Рельеф Восточной Сарыарки // Восточная Сарыарка. Каркаралинский регион в прошлом и настоящем. Алматы : Эверо, 2004. С. 28–42.

Овсянников В.В. Металлические поясные крючки в лесостепном Предуралье скифского периода // Исторические исследования. Журнал исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. 2023. №18. С. 42–56.

Сыдыгалиев С.М. Мужские кожаные пояса в контексте материальной культуры казахов // Лучшая научная работа 2021. Пенза : Наука и просвещение, 2021. С. 41–45.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

Шульга П.И. Этнокультурная ситуация в Горном Алтае и северо-западных предгорьях в VII–III вв. до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 245–250.

Шульга П.И. Скотоводы Горного Алтая в скифское время (по материалам поселений). Новосибирск : ИЦ НГУ, 2015. 336 с.

Beisenov A.Z. Corgantas, Caramola, Tasmola. To the Question of the Cultural Situation in Central Kazakhstan in the Late Saka Period // Theory and practice of archaeological research. 2024;36(3):122–143. doi.org/10.14258/tpai(2024)36(3).-08

REFERENCES

Bazarbaeva G.S., Dzhumabekova G.S. On the study of Applications in the Art of Early Nomads of the Kazakh Steppes. *Ufmskij arheologicheskij vestnik = Ufa Archaeological Bulletin*. 2021;1:18–32. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2021.21.1.002>. (In Russ.)

Beisenov A.Z. Korgantas Burials in Central Kazakhstan. In: Current Issues in Archaeology and Ethnology of Central Asia. Ulan-Ude : Buryatskij gosuniversitet, 2017. Pp. 103–108. (In Russ.)

Beisenov A.Z. Tasmola Culture of Central Kazakhstan in the Studies of the Early 21st Century. *Arheologiya i davnaya istoriya Ukrainy = Archeology and ancient history of Ukraine*. 2018;2:386–396. (In Russ.)

Beisenov A.Z. A trip to Milybulak, Central Kazakhstan: Examination of Mounds with “Mustache” and the Ruins of Winterings, Reading Ancient Kulpytas. *Ufmskij arheologicheskij vestnik = Ufa Archaeological Bulletin*. 2023;1:109–127. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2023.23.1.009>

Beisenov A.Z., Loman V.G., Shashenov D.T. Ceramics From New Burial Mounds of the Tasmola Culture. *Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik = Lower Volga Archaeological Bulletin*. 2022;21(1):6–20. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.1>.

Beisenov A.Z., Shulga P.I., Loman V.G. Settlements of the Saka Era. Almaty : NICIA “Begazy-Tasmola”, 2017. 208 p. (In Russ.)

Beisenov A.Z., Umitkaliev U.U., Utubaev Zh.R., Akhiyarov I.K., Dzhumanazarov N.Sh., Ilderyakov N.N., Shashenov D.T. Report on Grant Topic AP14872148 «Early Iron Age of Saryarka: Creation of a Modern Concept, Systematization of the Database, Development of a Chronological Column». Manuscript. 2024. In: Archive of the NICAS “Begazy-Tasmola”. (In Russ.)

Valikhanov Ch.Ch. Armament of the Kyrgyz in Ancient Times and Their Military Armor. In: Valikhanov Ch.Ch. Collected Works in Five Volumes. Vol. 4. Alma-Ata : Glavnaya redakciya Kazahskoj sovetskoj enciklopedii, 1985. P. 35–39. (In Russ.)

- Grach A.D. Ancient Nomads in the Center of Asia. Moscow : Nauka, 1980. 256 p. (In Russ.)
- Grishin A.E., Marchenko Zh.V. The First Objects of the «Mound with a Mustache» Type in the Kulunda Steppe. In: Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. XXVIII. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2020. Pp. 479–486 (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2022.28.0479-0486>
- Dzhumabekova G.S., Bazarbaeva G.A. The «Solar» Kurgans of Ashutasty: Historical Memory in the Steppe (Based on the Results of Radiocarbon Analysis). *Arheologiya Kazakhstana* = *Archaeology of Kazakhstan*. 2022;3:43–73 (In Russ.)
- Zhanatayev D.K. Composite Belts of the Kazakhs and Yakuts (Sakha) of the 19th–20th Centuries in the Collections of the MAE and REM. In: All-Russian Forum of Young Researchers — 2023. Petrozavodsk : MCNP “Novaya nauka”, 2023. Pp. 387–401. (In Russ.)
- Kiryushin Yu.F., Tishkin A.A. Scythian Era of the Altai Mountains. Part 1. Culture of the Population in the Early Scythian Period. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1997. 232 p. (In Russ.)
- Marsadolov L.S. Pazyryk Phenomenon and Attempts to Explain It. In: Results of the Study of the Scythian Era of Altai and Adjacent Territories. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1999. Pp. 104–108. (In Russ.)
- Marsadolov L.S. Clay Vessels of the Altai Mountains in the 8th–3rd Centuries BC. In: Archaeology and Ethnography of Altai. Vol. 2. Gorno-Altai : Institut altaistiki im. S.S. Surazakova, 2004. Pp. 37–51. (In Russ.)
- Nurmanbetov E.I., Akiyanova F.Zh. General Physical and Geographical Characteristics of the Saryarka. Relief of Eastern Saryarka. In: Eastern Saryarka. Karkaraly region in the past and present. Almaty : Evero, 2004. P. 28–42. (In Russ.)
- Ovsyannikov V.V. Metal Belt Hooks in the Forest-Steppe Cis-Urals of the Scythian Period. *Istoricheskiye issledovaniya. Zhurnal istoricheskogo fakul'teta MGU im. M.V. Lomonosova* = *Historical Research. Journal of the Faculty of History of Moscow State University*. 2023;18:42–56. (In Russ.)
- Sydygaliev S.M. Men's Leather Belts in the Context of the Material Culture of the Kazakhs. In: Best Scientific Work 2021. Penza : Nauka i prosveshchenie, 2021. Pp. 41–45. (In Russ.)
- Tishkin A.A., Gorbunov V.V. The Complex of Archaeological Sites in the Biyka River Valley (Mountain Altai). Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2005. 200 p. (In Russ.)
- Shulga P.I. Ethnocultural Situation in the Altai Mountains and Northwestern Foothills in the 7th–3rd Centuries BC. In: Results of the Study of the Scythian era of Altai and Adjacent Territories. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1999. Pp. 245–250. (In Russ.)
- Shulga P.I. Pastoralists of the Altai Mountains in Scythian times (based on settlement materials). Novosibirsk : RIC NGU, 2015. 336 p. (In Russ.)
- Beisenov A.Z. Corgantas, Caramola, Tasmola. To the Question of the Cultural Situation in Central Kazakhstan in the Late Saka Period. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy* = *Theory and Practice of Archaeological research*. 2024;36(3):122–143. [doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(3\).-08](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(3).-08)

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTION OF THE AUTHOR

Бейсенов А.З.: руководство проектом, идея публикации, сбор и обработка данных, написание текста.

A.Z. Beisenov: project management, publication idea, data collection and processing, writing the text.

Ахияров И.К.: подготовка образцов и получение радиоуглеродных данных, участие в полевых исследованиях, обработка и компоновка иллюстраций, участие в подготовке текста.

I.K. Akhiyarov: preparation of samples and obtaining radiocarbon data, participation in field research, processing and layout of illustrations, participation in preparation of text.

Кукушкин И.А.: руководство раскопками, описание памятника, фото- и графическая фиксация, участие в подготовке текста.

I.A. Kukushkin: supervision of excavations, description of the monument, photo and graphic recording, participation in preparation of the text.

Конфликт интересов отсутствует / There is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Бейсенов Арман Зияденович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан.

Arman Z. Beisenov, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher at the A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan.

Ахияров Ислам Кизамединович, научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан.

Islam K. Akhiyarov, Researcher at the A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan.

Кукушкин Игорь Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Сарыаркинского археологического института, Карагандинский университет им. Е.А. Букетова. Караганды, Казахстан.

Igor A. Kukushkin, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Saryarka Archaeological Institute, Karaganda University named after E.A. Buketov. Karaganda, Kazakhstan.

Статья поступила в редакцию 17.01.2025;

одобрена после рецензирования 12.02.2025;

принята к публикации 25.02.2025.

The article was submitted 17.01.2025;

approved after reviewing 12.02.2025;

accepted for publication 25.02.2025.